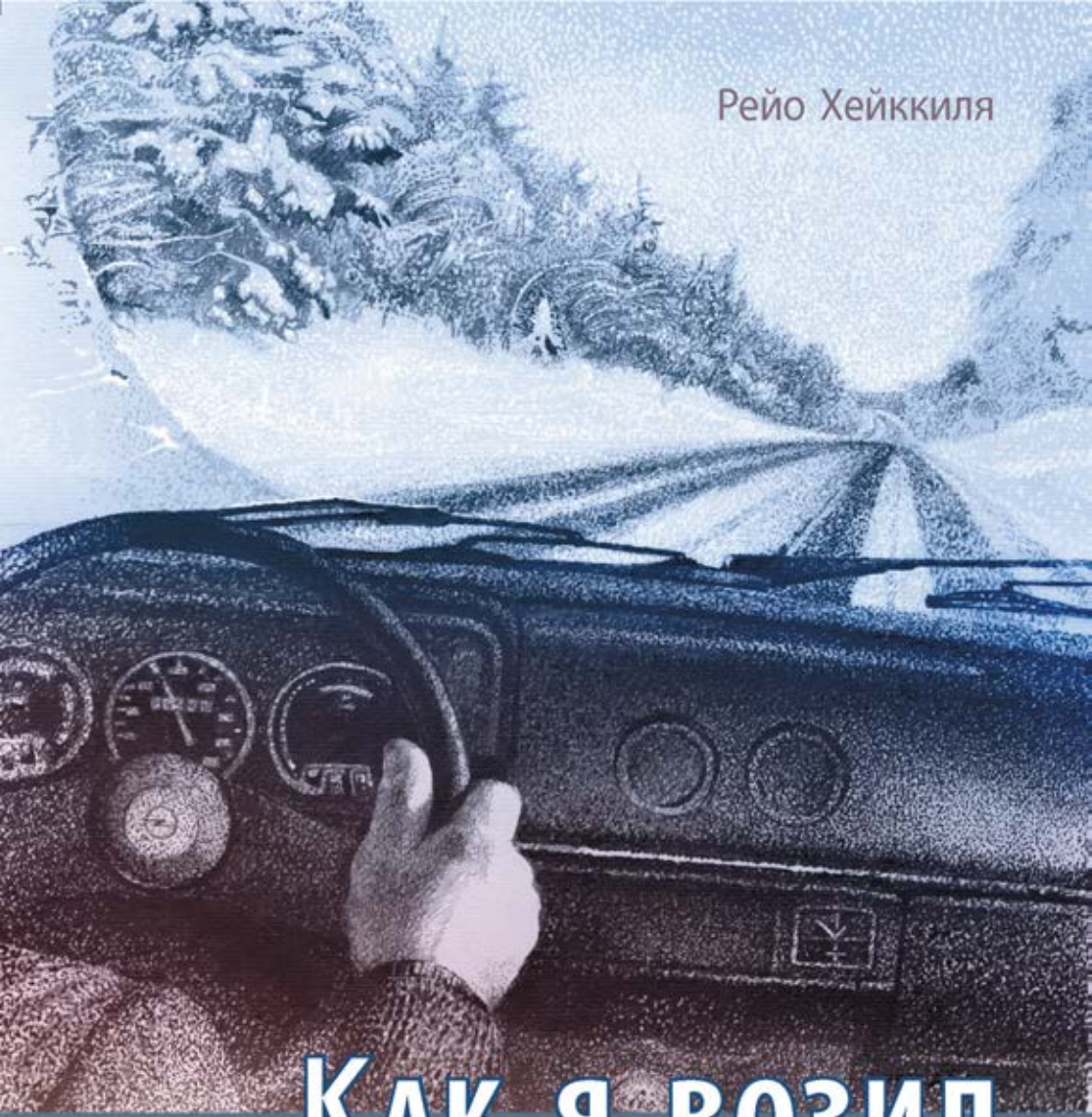
Рейо Хейккиля



Как я возил Библии

Воспоминания библейского курьера

ОТ АВТОРА

Идея написать воспоминания о своей жизни появилась у меня уже в преклонном возрасте. Я сначала хотел просто оставить своим детям память о том, как их отец исполнял Божьи поручения. Но потом я дал почитать написанное друзьям, а они предложили сделать мои воспоминания достоянием русских христиан, чтобы те знали, как непросто было доставлять Библии из стран Запада в Советский Союз.

Родился я в сельской местности вторым сыном в семье фермера. Моя жизнь с самого начала складывалась не самым лучшим образом. Рождение моё разочаровало родителей, потому что они хотели, чтобы родилась девочка. Когда мне не было ещё года, я тяжело заболел после прививки и из-за этого до двух лет не мог научиться ходить. Мои родители постоянно ссорились друг с другом. Ласку и любовь со стороны мамы я начал ощущать только в школьном возрасте.

Однако на втором этаже нашего дома жили мои бабушка с дедушкой, которые были верующими. Они направляли меня к Богу и учили ценить духовное, вечное.

После окончания школы я получил образование сельскохозяйственного техника и стал преподавать технологию в сельскохозяйственном училище.

Несмотря на то что моя жизнь вроде бы устроилась, я не имел внутреннего покоя, так как чувствовал, что ещё не полностью принадлежу Богу. Господь звал меня к Себе, и на одном богослужении я покаялся перед Ним, вручив Ему всю свою жизнь. Через некоторое время такой же шаг

сделала девушка, с которой я был обручён. Мы захотели вместе что-то делать для Царства Божьего.

Однажды меня попросили поехать в Советский Союз, чтобы познакомиться с работой по доставке духовных книг в эту страну. Я согласился, и с того времени начался мой труд по перевозу Библий. Бог охранял тайники, в которых мы прятали книги, и русские друзья получили немало Библий благодаря нашему труду. Не обходилось и без испытаний — на советской таможне дважды обнаруживали тайник в моей машине. Но запрета на въезд в эту страну я оба раза не получал, так что мог продолжать свой труд. Постепенно моя работа по перевозу Библий распространилась и на другие закрытые страны Восточной Европы.

После распада Советского Союза я стал заниматься перевозкой Библий в Израиль. У евреев до сих пор на глазах лежит покрывало, и они не признают Иисуса Мессией. В Израиле можно свободно купить Ветхий Завет, но трудно найти полную Библию или Новый Завет. В этой стране не арестовывают за распространение Евангелий, но, к сожалению, эта книга не ценится там как Слово Божие.

Сейчас я уже в преклонном возрасте, и моё сердце радуется оттого, что жизнь прошла с Господом и для Него. Я не был безгрешным, допускал ошибки, но, полагаясь на Кровь Христа и Его милость, верю, что вместе со святыми буду радоваться вечному общению с Ним. Божья милость настолько велика, что даже самый слабый человек может стать своим Богу.

Мне радостно сознавать, что я принадлежу Господу и что я гражданин неба, хотя на земле — странник и пришелец. Я верю, что Иисус умер на Голгофском кресте и за мои грехи, поэтому я больше всего хочу, чтобы скорее наступил тот день, когда Церковь при трубном зове будет восхищена на небо для встречи со своим возлюбленным Женихом — Иисусом Христом.

«Благодарение Богу, даровавшему нам победу Господом нашим Иисусом Христом!» (1 Кор. 15, 57).

Рейо Хейккиля

ПОЕЗДКИ В СССР

Тайно перевозить Библии за железный занавес меня побуждали слова Господа: «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари» (Марк. 16, 15) — и призыв: «В нуждах святых принимайте участие...» (Рим. 12, 13).

Согласно повелению Христа, проповедовать Евангелие нужно во всём мире, и страны, которые оказались за железным занавесом,— не исключение. Но о создании в этих странах миссионерских центров не могло идти речи. Впрочем, в них и не было нужды, так как там уже имелись христианские общины. Эти общины делились на две категории: официальную церковь, контролируемую государством, и подпольные общины, которые из-за гонений тайно собирались в домах верующих или в лесах.

Подпольные общины социалистических стран нуждались в духовной пище. Духовной литературы там практически не было, и кто-то из христиан Запада должен был заняться доставкой книг в эти страны. Такие люди нашлись. Они перевозили Библии через границу и доставляли их надёжным верующим, а те, в свою очередь, распространяли их по разным уголкам страны. Библейские курьеры заботились о том, чтобы хотя бы проповедники и руководители общин имели личные Библии. Тогда, получая откровение свыше через изучение Писания, они будут провозглашать вечные истины и другим людям.

Начало моего служения

Однажды друг спросил меня, не смог бы я принять участие в перевозке Библий в Советский Союз. После недолгого размышления я согласился и сразу, ещё не получив никаких указаний, начал устраивать в своей машине тайник. В нём могло поместиться двадцать пять — тридцать пять Библий.

В первую поездку я отправился с женой. Своих двух сыновей, пяти и шести лет, мы оставили на попечение её сестры и брата в Хельсинки. Разумеется, о цели нашего путешествия наши родственники ничего не знали.

Там же, в Хельсинки, к нам присоединилась Рита, которая уже не первый раз была в подобной поездке.

Упаковывая наш багаж, Рита увидела, что мы взяли с собой много фруктов, и сообщила, что их нельзя провозить в Советский Союз. Взяв пакеты с яблоками и апельсинами, я отнёс их в дом родственников и сказал:

— Говорят, фрукты провозить в Советский Союз запрещено...

В ответ брат жены, офицер полиции, зычным голосом произнёс:

— Немедленно принесите всё, что нельзя провозить!

Во время долгого пути я расспрашивал Риту о том, что нас ожидает на таможне и что может произойти, если книги будут найдены. Рита уже однажды была в такой ситуации и не могла назвать её приятной. По мере приближения к границе наши разговоры сменились молитвами. Мы полностью положились на Бога, а без Его воли, как говорит Библия, даже волос не упадёт с нашей головы.

На финской таможне я спросил у одного из пограничников, далеко ли до Советского Союза.

— Он вон там, где висит красный флаг,— махнул рукой мужчина.

Это было в нескольких десятках метров от нас.

На советской таможне

При въезде в Советский Союз мы сначала прошли поверхностный досмотр, после чего на контрольно-пропускном пункте, расположенном в нескольких километрах от границы, подверглись более тщательному досмотру. На КПП нам нужно было

заполнить бумаги на машину, указав номер двигателя, регистрационный номер автомобиля и множество других номеров и данных. Каждого пассажира обязали заполнить таможенную декларацию, в которой следовало указать имеющуюся при себе сумму денег и ценные вещи, вплоть до обручального кольца.

После сбора информации начался тщательный досмотр машины. В первую очередь таможенники сняли заднее сиденье, потом вытащили коврики из салона и багажника, затем принялись снимать обшивку дверей. Мою машину обдирали на моих глазах, но я ничего не мог сделать, а только лишь посылал в небо тихую мольбу о помощи.

К моему удивлению, на смотровую яму машину загонять не стали. В этом была милость Божья. Если бы днище машины обследовали тщательно, то можно было бы обнаружить тайник с Библиями. Таможенник же осматривал днище поверхностно, ползая на корточках и прощупывая его железным прутом. Таким образом все книги остались при нас.

Мы наблюдали за действиями таможенников с серьёзным видом, лишь иногда обмениваясь словами, и думали только об одном: скорее бы всё закончилось! Наконец осмотр, длившийся, как нам показалось, целую вечность, был завершён. Нам вернули паспорта, и мы с облегчением продолжили путь в Ленинград.

Юсси принимает Библии

После отъезда от КПП нам предстояло найти подходящее место для того, чтобы переложить Библии из тайника в сумки. Делать это просто на обочине дороги мы не хотели и остановились на стоянке. Помолившись об успехе, достали книги из тайника и разложили по сумкам. От напряжения сильно забилось сердце. Когда мы закончили это дело, рядом с нами неожиданно остановилась какая-то машина, но это уже не было страшным.

Ближе к полуночи мы наконец прибыли в Ленинград. У нас был заказан номер в старой гостинице «Европейская», расположенной в центре города. Там мы смогли спокойно отдохнуть, ожидая следующего дня.

Передача книг должна была состояться на берегу Невы, около скульптур львов в прибрежном парке. Принять Библии должен был ингерманландец Юсси. Рита его хорошо знала, и это избавляло от лишних проблем. И всё же утром мы чувствовали себя неспокойно.

Из окна Эрмитажа мы увидели, что Юсси сидит на скамейке, и спустились к нему. Встреча прошла непринуждённо и не привлекла внимания окружающих. Юсси немного говорил по-фински. Мы побеседовали друг с другом, а когда вокруг нас стали собираться люди, мы поспешили распрощаться.

Юсси пригласил нас к себе домой на богослужение, которое было организовано под видом проводов его сына в армию.

Жил Юсси довольно далеко от Ленинграда. Ехать туда на машине я боялся, потому что находиться там туристам было запрещено. Казалось глупостью угодить под арест, когда основная цель — провоз и передача Библий — уже достигнута. Но упускать возможность посетить собрание подпольной общины христиан было просто нельзя! Мы решили ехать на электричке и, пообедав в гостинице, стали с трепетом ждать вечера.

Домашнее собрание

Вечером, когда в ожидании электрички мы с женой стояли на вокзале, от напряжения я даже побледнел. И хотя Юсси обещал нас встретить и уверял, что всё завершится благополучно, я никак не мог успокоиться.

Мы сели в электричку и доехали до станции Корнево, где нас встретил Юсси. Он жил неподалёку отсюда, но, заметив милиционера, который провожал взглядом всех выходящих из поезда, сначала провёл нас мимо своего дома, а потом подвёл к нему по лесной тропинке. Если религиозное собрание он и мог оправдать проводами сына в армию, то объяснить властям контакт с иностранцами он бы не смог никак.

Дом наполнился гостями. Впереди беспорядочно стояло несколько стульев, словно никто и не собирался их использовать. Похоже, все были довольны уже тем, что собрание проходило в доме, а не в лесу под открытым небом. Верующие пели, кто-то играл на балалайке.

Я обратил внимание на то, что ноты у поющих были написаны от руки. Напечатанного песенника я ни у кого не видел.

В конце собрания все встали на молитву. Хотя я не понимал русского языка, но это не мешало мне почувствовать присутствие Святого Духа. Казалось, что все мы находимся в одной лодке с Иисусом Христом. За бортом штормит, но мы спокойны: с нами Тот, Кому подвластна любая буря.

Почти все присутствующие на богослужении были когда-то наказаны за религиозную деятельность. Указав на одну пожилую женщину, Юсси сказал, что она долгие годы провела в тюрьме за преподавание в воскресной школе. А сидевший рядом со мной мужчина был осуждён за то, что регулярно предоставлял свой дом для собраний верующих. По мнению властей, христиане были опасными преступниками, которых следовало изолировать от общества.

После богослужения нас пригласили к столу и угостили чаем, пирожными и русским шоколадом — тем, что в Советском Союзе можно было предложить гостям. В гостиницу мы возвращались с неописуемым чувством духовного единства с гонимыми верующими.

Возвращение в Финляндию

Утром мы доели оставшиеся продукты и начали собираться в обратный путь. Нам не хотелось больше задерживаться в Советском Союзе. В магазине «Берёзка» мы за валюту купили домой сувениры. За рубли в «Берёзке» ничего не продавалось, поэтому простой народ туда не ходил.

Машина легко шла в сторону дома. Её мотор мощностью больше ста лошадиных сил явно превышал аналогичную характеристику здешних транспортных средств.

Трасса Ленинград — Выборг была удивительно извилистой, на ней постоянно встречались шлагбаумы и сторожевые посты для наблюдения за движением.

В Выборге мы остановились перекусить в ресторане для туристов. Нам подали картофельное пюре с соусом и так называемый бефстроганов в виде нарезанных жёстких мясных жил. Мы единодушно решили, что в следующий раз возьмём

с собой столько еды, чтобы не нужно было сюда заезжать. К счастью, проблем с пищеварением ни у кого не возникло.

Ещё в «Интуристе» я купил талоны, дающие право на приобретение двадцати литров высокооктанового бензина. Пообедав в Выборге, мы подъехали к бензоколонке, и я подал продавщице талоны.

Через минуту к нам подошёл одетый в рабочий комбинезон мужчина.

— Нет экстра, нет экстра,— развёл он руками и нарисовал на грязном крыле моей машины цифру 72.

Это было возмутительно — я заплатил за 98-й бензин, а сейчас мне предлагают 72-й! Но опыт научил меня: в этой стране надо брать что дают, а то останешься ни с чем,— и я безразлично махнул рукой в знак согласия.

С новым топливом машина шла как комбайн по полю, прежней резвости уже не было. Кроме этого, её стало подёргивать, и мы заволновались, что не доедем до финской заправочной станции.

На советской таможне первым делом проверили все наши бумаги: паспорта, таможенные декларации, визы, документы на машину, чеки о покупках и так далее.

Подсчитав наши деньги и выслушав объяснения, таможенники стали искать в нашей машине рубли, чтобы ни в коем случае не допустить попадания советских денег на Запад. Потом они приступили к тщательному осмотру автомобиля: сняли сиденья и обшивку дверей, выбросили коврики. Но и на этот раз тайник обнаружен не был. Получив свои паспорта, мы свободно продолжили путь.

На границе, расположенной в нескольких километрах от КПП, у нас снова проверили паспорта и осмотрели автомобиль, но лишь поверхностно. В конце концов шлагбаум был поднят, и мы переехали на территорию Финляндии.

На финской таможне мы могли спокойно общаться, не боясь подслушивающих устройств или того, что кто-то следит за нашими передвижениями. Нам казалось, что мы уже дома, хотя мы только пересекли границу. Приветливые люди, деловое отношение, никакого «раздевания» машины — это был совсем другой мир!

На первой же финской заправочной станции я до отказа наполнил бак 98-м бензином, и автомобиль сразу поехал резвее.

День клонился к вечеру, когда мы заехали во двор нашего дома. Поездка добавила 1600 километров на счётчик и, несмотря на все опасности, закончилась благополучно.

Итак, первое посещение Советского Союза было позади. Мы ясно увидели, что верующие действительно нуждаются в духовной пище и что одной партии Библий для утоления их духовного голода явно недостаточно.

В своём новом шестиместном «Опеле-Рекорде» я начал оборудовать тайники для провоза Библий. В задней части автомобиля, по обоим его бокам, я сделал глубокие отделения, в которые можно было проникнуть через багажник. Из алюминиевого листа я вы́резал для этих тайников крышки. Кроме этого, я сделал для аккумулятора специальный чехол с тайником и так получил ещё одно место для книг.

Лесное собрание

Во время одной из следующих поездок меня и моих спутников пригласили на собрание подпольной общины, которое должно было проходить в лесу, далеко от Ленинграда.

Стояла ранняя осень. В воскресенье утром мы на электричке поехали к назначенному месту. Юсси был нашим проводником. Сойдя на каком-то полустанке, мы направились в лес и шли до тех пор, пока не очутились на болотистой лесной поляне. Юсси объяснил, что это место выбрано как самое безопасное, так как добраться сюда на машине просто не смогут.

Собрание уже началось. Присутствовало около ста пятидесяти человек, все стояли тихо и слушали проповедника. После проповеди молились с глубоким благоговением. На богослужении люди немало пели, кто-то играл на балалайке. Одна старая ингерманландка, признав в нас финнов, спела нам сохранившуюся в её памяти финскую песню.

Собрание длилось несколько часов, однако никто никуда не спешил, и даже внезапному дождю не удалось разогнать присутствующих. Женщины, достав целлофан, укрыли им детей и накинули его на себя.

Благоговение усилилось, когда принесли два чемодана и застелили их белой скатертью. Это был своего рода стол, на который поставили хлеб и вино для причастия. Все стояли на своих местах, а руководители общины, разломив хлеб на кусочки, разнесли его собравшимся. Вино разносили в общей чаше. Святость вечери Господней была почти осязаема.

Здесь не было формально верующих и христиан-любителей. Все составляли одно со своим Богом. Казалось, что лес был храмом, а на гонимых верующих, по повелению свыше, опустился кусочек неба!

Вечером нам надо было возвращаться в Финляндию, поэтому мы покинули верующих, не дожидаясь окончания собрания.

Из-за отсутствия другого водителя мне пришлось вести машину до самого дома. Медленно ползущая очередь на таможне забрала у нас два часа, но в итоге нас без проблем выпустили из страны. Домой мы приехали только к утру.

Январская поездка

В очередную поездку я отправился с двумя своими друзьями. На этот раз мы везли не только книги, но и одежду и обувь. За окном стоял январь, уличный термометр показывал пятнадцать градусов мороза, но я даже радовался: дороги будут сухие, а значит, не скользкие.

Таможню мы прошли вполне благополучно, но большой неожиданностью для нас стало состояние дорог в Советском Союзе. Похоже, за недостатком спецтехники их совсем не расчищали и никто не заботился о том, чтобы хотя бы просто посыпать их солью и песком. Мой «Опель-Рекорд» подпрыгивал на наледях.

Был уже поздний вечер, когда мы остановились на небольшой стоянке между Выборгом и Ленинградом. При двадцатиградусном морозе, освещая крышки тайников карманным фонариком, я пытался их открыть, чтобы переложить Библии в сумки. Пальцы не слушались, я весь дрожал от холода. Вдобавок ко всему фонарик начал мигать. Но мы знали, что поехали не на лёгкое дело, поэтому не отступали. К счастью, и на этот раз мы успешно переложили книги из тайника в сумки, никто нас не потревожил.

После полуночи мы добрались до гостиницы «Ленинград». Как только я открыл дверь машины, тут же появился незнакомец:

— Есть что-нибудь на продажу?

— Нет,— коротко ответил я и вместе со своими попутчиками направился к гостинице.

Ложась спать, я подумал об этом человеке. Здесь платят большие суммы за колготки, жевательную резинку и другие западные товары. На каждом углу встречаются разные тёмные личности — то нищие, то продавцы водки, то валютчики. СССР обладает огромными природными ресурсами, это очень богатая страна. Почему же народ живёт так бедно? Может, у этой страны нет Божьего благословения? Может, на ней лежит проклятие атеизма? Библия гласит: «Что посеет человек, то и пожнёт». Не пожинает ли этот народ сейчас то, что посеял? Эти мысли крутились в моей голове, пока я не заснул.

Утром мороз усилился до тридцати двух градусов.

У нас была запланирована встреча с Юсси. Мы сели в машину, я повернул ключ зажигания, но мотор не заводился. Вытащив банку с аэрозолем, я попросил своих попутчиков распылить его в воздушный фильтр, а сам тем временем снова попытался завести машину. Но аэрозоль тоже замёрз, из банки лишь выкатилось несколько крупных капель жидкости. Машина не то что не заводилась — у аккумулятора не хватало силы даже прокрутить стартер!

В тот день нам пришлось пользоваться общественным транспортом. Мы привезли с собой так много вещей и книг, что не смогли передать Юсси всё сразу, хотя он два раза отвозил домой по несколько сумок. Отвезти же что-то сами по какому-нибудь адресу мы не могли.

Вечером я забрал аккумулятор и банку с аэрозолем в гостиничный номер.

На следующий день по-прежнему стоял тридцатиградусный мороз. Я переживал, заведётся ли машина, потому что надо было возвращаться домой. Я достал из багажника новые свечи зажигания и вкрутил их в двигатель. В это утро машина завелась с первого раза.

Мы поездили по городу, а после обеда отправились на

встречу с Юсси, где сообщили ему, что наша машина на ходу и мы можем подвезти его к железнодорожному вокзалу и там уже отдать оставшиеся вещи. Юсси осмелился сесть в наш новый «Опель-Рекорд» и никак не мог поверить, что у простого финна может быть такой автомобиль.

Мы припарковались на боковой улочке рядом с вокзалом, немного поговорили и, прежде чем расстаться, вместе помолились Богу. Потом я снял с себя шубу и отдал Юсси. У него на глаза навернулись слёзы, и он сказал, что не может её принять. Мы ответили, что, согласно Библии, для равномерности в церкви наш избыток должен восполнить недостаток верующих в Советском Союзе.

— Всё равно я не оставлю эту шубу себе, а отправлю её братьям в Сибирь,— сказал Юсси и, колеблясь, набросил шубу на себя.

Я завёл машину, помахал ему и медленно выехал на дорогу. Юсси, в шубе не по размеру и с огромными тюками в обеих руках, с грустью смотрел нам вслед. На пути к свободному Западу я долго вспоминал полный слёз прощальный взгляд брата.

Обнаружение тайника

Меня не покидала мысль, что перевозка Библий в Советский Союз напоминает военные действия на духовном фронте, а на войне всегда есть и погибшие, и раненые. Я понимал, что успех будет не всегда и когда-нибудь меня может постичь беда — арест, причём на длительный срок, конфискация автомобиля. В случае неприятностей в СССР меня могли уволить с моей преподавательской должности. Но я всё-таки хотел продолжать служение, а потому постоянно боролся с чувством страха.

Постепенно перевозка Библий стала принимать рутинный характер, и незаметно для себя я всё больше доверял своей машине и хорошо устроенным в ней тайникам, а не Богу.

Во время майских праздников мы с женой опять стали готовиться к поездке в Советский Союз. Заполнив тайники машины книгами, я обнаружил, что четыре Новых Завета не поместились. Я всё равно хотел их взять с собой, поэтому,

завернув в пакет, засунул их за приборную панель.

Накануне отъезда мы с женой всегда постились целый день. Но в то воскресенье пост не удался. Я проповедовал в одной церкви, после чего меня позвали на кофе. Жена ходила в гости к своим родителям и не отказалась с ними пообедать.

Перед самым выездом у нас с женой возникли разногласия насчёт деталей поездки, и я уже начал сомневаться, благословит ли Бог это дело. Однако отменить поездку я не осмелился, так как все приготовления были уже сделаны.

Машина легко скользила по шоссе, когда мы пересекали Финляндию от западного побережья до восточной границы. Мы без проблем прошли финскую таможню и, проехав несколько километров, подъехали к советской.

После знакомой нам проверки бумаг последовал досмотр багажа и машины. Всё шло спокойно, и мы уже было решили, что тайники снова останутся незамеченными. Но вдруг один из таможенников уселся на переднее сиденье моего «опеля». Он стал шарить рукой за приборной панелью и, к нашему ужасу, нащупал пакет с несколькими экземплярами Нового Завета.

С этой злополучной минуты я и моя жена стали в глазах таможенников преступниками: ведь мы завезли в СССР четыре книги, которые могли потрясти устои страны!

Начался строгий допрос. Таможенники настойчиво требовали сказать, есть ли в машине ещё такие книги, обещая отпустить нас, если мы всё покажем. Естественно, о тайниках я ничего не сказал, и мой автомобиль отогнали на смотровую яму для основательной проверки. Я знал, что таможенники проверят всё до болтика. Механик, проверяющий днище моего «опеля», обратил внимание на тайник рядом с бензобаком:

— Что это? Покажи!

Я же только вскидывал брови, изображая удивление.

Около десяти таможенников окружили мою машину и стали выяснять, что это за металлическая коробка рядом с бензобаком. Они принялись ковырять отвёрткой сварочный шов и делали это до тех пор, пока из тайника не начали вываливаться книги. Какой восторг это вызвало у работников таможни!

С большим усердием разбирая автомобиль дальше, они

тыкали железной проволокой в бензобак и во все части машины. В конце концов им удалось обнаружить и другие тайники, что вызвало у них ещё более торжествующие возгласы.

Проверив днище, салон и багажник, таможенники перешли к мотору. Мне приказали снять передние фары и воздушный фильтр, а сами вынули аккумулятор и положили его рядом с машиной. Обнаружить тайник в футляре аккумулятора им удалось легко, и они достали ещё несколько экземпляров Нового Завета.

Посчитав, что в машине больше нечего искать, мне разрешили поставить снятые части на место. К счастью, некоторые небольшие тайники обнаружены не были. Потом автомобиль отогнали к зданию таможни, а нас с женой повели в комнату для допросов.

В центре комнаты стоял стол, на котором возвышалась стопка книг, найденных в тайниках «опеля». Мы присели у стола в ожидании развязки. Ждать нам пришлось довольно долго. Всё время в комнате находился приставленный к нам охранник, который, не обращая на нас никакого внимания, жадно читал Евангелие от Иоанна.

Наконец, в комнату вошёл человек с фотоаппаратом. Он подобрал такой угол для снимка, чтобы на переднем плане была стопка книг, а за ней — мы, «преступники». На фото запечатлелись наши улыбающиеся, приветливые лица.

После личного досмотра нас с женой развели для допроса по комнатам, чтобы потом сравнить наши показания. Физическую силу к нам не применяли, только угрожали нас наказать по всей строгости закона.

Главное внимание было обращено на меня. Допрашивающего интересовало, от кого я получил эти книги, сколько за них заплатил, кто нас направил, в какой организации мы состоим, кто наш руководитель, сколько нам платят за эту работу. От меня также требовали назвать имена людей, которым мы собирались передавать книги, и место встречи с ними.

В какие-то моменты тон мужчины звучал почти приветливо, а потом снова становился жёстким, и он напористо задавал вопрос за вопросом, на которые следовало отвечать немедленно.

Спустя некоторое время в комнату вошёл другой следователь и сказал, что он всё знает, но требует от меня чистосердечного признания. Он даже пообещал, что, если я всё расскажу, мне тут же вернут машину и отпустят домой.

Я старался отвечать так, чтобы не раскрыть тайны и не выдать Юсси.

Не добившись желаемого, следователи заявили, что мою машину конфискуют. Это не было для меня неожиданностью, я давно готовился к такому развитию событий. К тому же приобрести новую машину для меня не составляло труда.

Допрашивающие заметили мою спокойную реакцию на их угрозу и сказали:

— Значит, у тебя две машины?

Я заверил, что второй машины у меня нет, но если отнимут эту, то мне придётся купить другую.

— Скажите,— спросил в свою очередь я,— разве СССР не подписал Всеобщую декларацию прав человека и разве в СССР нет свободы вероисповедания?

Следователи утвердительно покачали головой и объяснили: моя вина в том, что я пытался провезти Библии тайно, вместо того чтобы действовать открыто. Я, конечно же, знал, что суть вовсе не в форме перевозки, но спорить не стал.

Признаюсь, в те минуты я больше всего переживал о том, какой срок тюремного заключения мне дадут. Может, власти удовлетворятся лишь конфискацией моей новой машины? Бог послал мне спокойствие и терпение, благодаря чему атмосфера во время допроса не была напряжённой.

— Напиши всю правду, и мы тебя отпустим! — приказал следователь, положив передо мной лист бумаги и ручку.

Я начал писать, но только не то, чего хотелось следователям. Например, я отмечал, что Слово Божье невозможно связать и что оно предназначено для всех людей.

Допрос продолжался до самого вечера, после чего меня отправили в холл ожидать решения. Там я встретился с женой. Её допрашивали так же, как и меня, и она была так же спокойна и рассудительна.

Мы стали обдумывать, что заберём из машины, если нас

отпустят. У нас было множество сумок, и мы никак не смогли бы унести их все. Настроенные на освобождение, мы с женой рассуждали и о покупке новой машины.

Наверное, начальник таможни посадил нас на самое видное место в холле с целью продемонстрировать своим подчинённым двух растерянных и подавленных финнов, только что допрошенных за перевозку Библий. Но у нас было совсем другое настроение.

Обратно в Финляндию

Спустя несколько минут нам приказали сесть в свою машину. Мы были этому рады, потому что день склонился к вечеру, а нам до сих пор не предложили ни воды, ни хлеба. Теперь же мы могли поесть свои продукты.

Через некоторое время из здания таможни вышел молодой офицер. В руках у него были наши синие паспорта. Он сел в стоявший перед нами армейский джип и, махнув рукой, пригласил нас ехать за ним.

— А разве нам не надо было оставить машину здесь? — удивлённо спросила меня жена.

— Наверное, они хотят, чтобы мы доехали на ней до шлагбаума,— решил я. — То место хорошо видно финским таможенникам, так что они смогут наблюдать за церемонией передачи машины.

Жена тихо вздохнула, и мы последовали за джипом.

Доехав до шлагбаума, мы остановились. Офицер вышел из машины и, приветливо улыбаясь, отдал наши паспорта. Мы поблагодарили его и не поверили своим глазам — шлагбаум перед нами стал подниматься! Я завёл мотор, переключил передачу и тихонько тронулся с места...

— Послушай, что ты делаешь? — испугалась жена. — Нам же нельзя уезжать на машине!

— Но ведь перед нами подняли шлагбаум...

С нескрываемой радостью я помахал рукой на прощанье приветливому офицеру. То же самое сделала и моя жена. Нас до последнего пугали конфискацией машины, и всё же сейчас мы двигались в сторону Финляндии мимо поднятого шлагбаума.

Офицер тоже помахал нам вслед. Я никогда не забуду грустный взгляд того человека. Мы отведали лишь кусочек будней закрытого Востока и теперь возвращались на свободный Запад, а он мог только смотреть туда сквозь железный занавес.

На финской таможне нас спросили, почему мы так быстро вернулись. Я пояснил, что мы имели при себе Библии и из-за этого у нас возникли проблемы.

— Закон Финляндии не запрещает провозить за границу Библию, и официально в Советском Союзе каждому гарантируется свобода вероисповедания. Но в действительности дела там обстоят не так,— успокоили нас финские таможенники.

Поговорив с ними минут пятнадцать, мы направились домой. В течение длительного пути у нас было время обсудить пережитое.

Контрабанда, в которой обвиняли библейских курьеров,— это тайный беспошлинный провоз товаров через границу. Но мы ничего не везли на продажу, и в нашем случае ни о какой прибыли не могло быть и речи. Мы за свой счёт возили верующим материальную помощь и Библии, исполняя Божье повеление: «В нуждах святых принимайте участие...» (Рим. 12, 13).

Мы знали, что в Советском Союзе верующих сажают в тюрьму, а те, кто старается им помочь, испытывают то, с чем мы только что столкнулись на границе...

С такими рассуждениями мы вернулись домой и приступили к своей будничной работе. Но на этом наши проблемы, связанные с конфискацией на таможне книг, не закончились.

Статья в газете

Несколько недель спустя я получил от одного друга письмо, в котором была вырезка из газеты, выходящей на финском языке в советской Карелии. В заметке подробно описывалось всё, что произошло с нами на советской таможне.

«Пусть пишут, что хотят»,— совершенно спокойно подумал я и отложил письмо в сторону.

В один прекрасный день я, как обычно, находился в училище на рабочем месте. Неожиданно позвонил директор и попросил

зайти на минуту к нему. В кабинете директора, кроме него самого, я увидел председателя правления. Он вручил мне коммунистическую газету «Труд Сатакунта» и, бросив на неё беглый взгляд, спросил:

— Что ты об этом думаешь?

На первой странице красовалась перепечатанная слово в слово статья о нас из газеты «Советская Карелия».

Я ответил, что в заметке много ложных сведений, но основные события описаны правильно.

— Ну и что же мне с тобой теперь делать? — строго и требовательно спросил председатель.

Я понял, что он ждёт от меня единственного решения: уволиться по собственному желанию. Но я заявил, что не нарушил закона — дело было рассмотрено на финской таможне и никаких претензий мне не предъявили.

Председатель не знал, в чём ещё меня обвинить, и стал требовать, чтобы я написал в «Труд Сатакунта» опровержение. Я пообещал это сделать.

Вероятно, меня тогда не уволили по следующей причине. Незадолго до этих событий один из членов правления сел за руль в нетрезвом виде, за что был приговорён к принудительным работам на аэродроме Сеутула. И дирекция училища не захотела лишиться ещё одного преподавателя.

Как и обещал, я послал в редакцию газеты «Труд Сатакунта» опровержение, в котором указал на ошибки, допущенные в статье. Конечно, моё письмо не опубликовали, зато фельетонист ещё в двух-трёх номерах упражнялся в злословии, искажая и преувеличивая события, о которых у него не было никаких сведений.

А в следующем году моё отсутствие во время летней курьерской поездки в Восточную Европу толковалось моими односельчанами как арест за посещение Советского Союза.

Могу ли я ещё получить визу?

Некоторое время я воздерживался от поездок в Советский Союз. Помимо всего прочего, на это повлияло и состояние здоровья моей жены. И всё же мне хотелось узнать, могу ли

я ещё получить визу. Я подал запрос в посольство — и получил положительный ответ! Но так как ехать в СССР я не планировал, виза осталась неиспользованной.

В другой раз я уже серьёзно стал собираться в поездку с одним своим другом из Хельсинки. Я послал ему свой паспорт и прошение на получение визы, а он отдал их вместе со своими документами в хельсинское бюро путешествий. За несколько дней до отправления мы получили известие о том, что прошение друга о визе отклонено, а моё принято и я могу отправляться в путь. Но ехать в одиночку я не осмелился, поэтому поездка отменилась.

Вскоре я снова начал собираться в Ленинград. Со стороны училища препятствий я не ожидал, поскольку моих коллег не интересовало, где я провожу отпуск. По всей видимости, они решили, что я уже получил хороший урок и рисковать больше не стану.

К тому времени в СССР стали более сурово относиться к ввозу в страну духовных книг. Теперь советская таможня всегда конфисковала транспортные средства, в которых была найдена духовная литература. Поэтому мы решили ехать на поезде. Я взял с собой одного друга и своего шестнадцатилетнего сына. «Гостинцы» для верующих мы спрятали среди багажа. Доставив их по назначению, мы благополучно вернулись домой.

В Советский Союз с жилым прицепом

Летом я снова начал собираться в поездку. В этот раз я решил ехать на старой «Тойоте-Краун», которую мне подарили для служения. Благодаря мощному мотору машина легко могла справиться с жилым прицепом. Мы с другом заказали визы и забронировали место в кемпинге «Ольгино».

С собой я взял своего младшего сына восьми лет, и мой друг тоже взял своего сына. Мы ехали с важной целью — провезти в Советский Союз несколько отдельных частей печатного станка, которые были спрятаны в тайниках жилого прицепа. Остальные части станка везли другие курьеры, и все — разными путями.

Неудачи начались ещё в Лаппеенранта. Фаркоп на машине

стал отваливаться под весом прицепа. Это случилось в пятницу вечером, когда все ремонтные мастерские были закрыты, и нам пришлось остаться в том городе до утра. На следующий день фаркоп надёжно заварили, и мы продолжили путь.

Нам нужно было прибыть в Ленинград точно в срок, поэтому непредвиденная задержка вынуждала нас сильно торопиться. Вдобавок ко всему, я должен был отвечать за пересечение границы. Согласно советским правилам, водитель автомобиля являлся также и ответственным за поездку.

На советском КПП главный таможенник с несколькими помощниками обступили наш прицеп. В крыше они просверлили дыру, отодрали обшивку и принялись тщательно обследовать конструкцию прицепа.

Я должен был наблюдать за происходящим и в это время беседовал с офицером таможни. Моего товарища увели на личный досмотр, а мальчиков тревожить не стали.

Наконец жилой прицеп был осмотрен полностью, только зеркало таможенникам снять не удалось. Правда, это не имело никакого значения. Тайный груз находился в зачехлённых газовых баллонах, расположенных снаружи прицепа, но работники таможни только окинули их беглым взглядом.

Потом начался осмотр машины. Для волнения не было причин — её они могли обыскивать сколько угодно, на этот раз она ехала в Советский Союз без тайников.

В Ленинграде правила передачи груза поменялись. Юсси нас больше не встречал, и нам предстояло самим искать нужную квартиру. Для этого пришлось проехать от кемпинга «Ольгино» на другой конец города, где мы без труда справились с заданием. Отдав книги и некоторые вещи, мы не остались без тайного груза — верующие передали в Финляндию видеокассеты, фотоплёнки, машинописные рукописи, газетные листы, отпечатанные в подпольных типографиях, а также списки имён и адресов баптистов-узников и их фотографии.

Вечером, когда наши маленькие попутчики играли на улице, я принялся укладывать полученные материалы в тайник. Он оказался полупустым, и я запихнул в него свою подушку, свитер попутчика и что-то ещё. Но теперь содержимого оказалось

слишком много, и я никак не мог закрыть тайник хорошо.

Неожиданно прибежали дети, и я вынужден был прекратить своё занятие. Убедив себя в том, что всё упаковано надёжно, я оставил тайник в покое.

Рано утром мы направились в сторону Финляндии. У нас не было достаточно бензина, и, купив в «Интуристе» талоны на двадцать литров, мы заехали на заправку в Ольгино. Но это по сути не решило нашей проблемы — работник заправки из своей будки открыл кран подачи бензина всего на десять секунд, и в бак попало около двух литров вместо двадцати. Мы стали возмущаться, но всё было напрасно. Оставалось надеяться, что нам всё-таки хватит топлива до Финляндии.

Тайник

Перед зданием советской таможни нас встретил мужчина с каменным лицом. После бумажной волокиты начался досмотр прицепа.

Офицер таможни немного потряс газовый баллон, и произошло именно то, чего я боялся: крышка тайника открылась и оттуда вывалилось всё его содержимое.

Я замер. «В этот раз попался!» — мелькнуло в голове. Теперь-то уж точно машина вместе с прицепом останется в Советском Союзе, а у меня есть все шансы оказаться в тюрьме. Меня пронзила дрожь, во рту пересохло. Ситуация была действительно серьёзной. За всё придётся отвечать мне — в этом не было никаких сомнений.

Если бы таможенник мог убить меня своим пронизывающим взглядом, я бы точно свалился на землю бездыханным.

Мне приказали зайти в прицеп и наблюдать за тем, как его будут обыскивать. Таможенники принялись отдирать внутреннюю обивку стен и даже снимали чехлы с матрасов и сидений. Мне уже было всё равно. «Своё же рвёте...» — думал я.

Меня назойливо сверлили вопросы: как пройдёт допрос? Какой срок мне дадут? Как выдержит всё это моя жена? И ещё — завтра, в понедельник, мне обязательно надо быть в училище, что скажут коллеги и дирекция, когда не увидят меня на рабочем месте?

Разворошив весь автомобиль и прицеп, таможенники приказали мне сесть на скамейку, разложили вокруг меня изъятые материалы и сфотографировали. В этот раз мне было не до улыбок.

Опять допрос

Меня разлучили с моими попутчиками и в сопровождении военного провели в комнату для допроса.

Я измучился от жажды. Заметив электрический чайник, я жестами показал военному, что хочу пить. Он молча кивнул. В чайнике оставалось немного воды, и я смог утолить жажду. Позже я расценил эту «чашу холодной воды» как знак того, что Господь помнит меня. Он позаботился обо мне и в час испытаний.

Через минуту я проходил личный досмотр в соседнем помещении. У меня забрали бумажник с документами и отвели обратно в комнату для допроса. Я решил, что в своих показаниях не буду упоминать верующих из Финляндии или Советского Союза.

Наконец пришёл начальник таможни. Приказав охранявшему меня военному оставить нас одних, он без всяких вступлений, в напористом тоне, приступил к делу:

— Откуда у тебя баллон с жидким газом, в котором был тайник?

Мужчина задавал всё новые и новые вопросы, но мои ответы не удовлетворяли его. В конце концов, положив передо мной бумагу и ручку, он строго сказал:

— Опиши всё, что произошло. Только пиши правду! — и вышел из комнаты.

Я остался один. Мои руки вспотели от волнения настолько, что бумага стала влажной и сморщилась. Мысли путались. Видя моё изнурение, враг души атаковал меня с новой силой. Мне вспомнился неправильный поступок, который я совершил за несколько недель до этого, и теперь я чувствовал себя виноватым.

На память пришли слова из Книги пророка Иеремии: «...Я буду наказывать тебя в мере, но ненаказанным не оставлю тебя» (30, 11).

«Вот я и получил то, что заслужил»,— уныло думал я.

Дьявол обвинял меня в падении, хотя я уже в слезах покаялся перед Богом. Я попробовал молиться, чтобы не поддаться искушению, но это стоило большой борьбы.

Спустя немало времени таможенники зашли за моей объяснительной. В ней я написал то же, что сказал на допросе. По всей видимости, они прочитали её сразу, потому что очень скоро вернулись и приказали идти за ними.

— Если ты не изменишь свою объяснительную и не напишешь правду, то попадёшь в тюрьму! — жёстко проговорил офицер.

Вскоре мы вошли в помещение. За столом сидел человек в штатском, представитель КГБ. Начальник таможни занял место впереди, а я остался стоять у дверей.

Допрос был уже более подробным. Кроме всего прочего представителей власти интересовало, имею ли я связь с конкретными политическими и духовными деятелями. Я ответил, что никого из названных лиц не знаю.

Неожиданно прогремел следующий вопрос:

— Как твой свитер попал в газовый баллон? Твой сын сказал, что это твой свитер, и он знает правду!

Я молчал.

— Позвать сына, чтобы ты сам это услышал? — не унимался допрашивающий.

Я кивнул, и через минуту начальник таможни привёл моего восьмилетнего мальчика, который боязливо переступил порог комнаты. Надо сказать, что на Западе детей такого возраста допрашивать и использовать в качестве свидетелей нельзя.

— Это свитер твоего отца? — мрачно спросил начальник таможни у моего сына.

— Может быть... Я не уверен,— робко ответил тот, и его увели из комнаты.

Я чувствовал себя загнанным в настолько малое пространство, что мне было трудно дышать.

Допрос тянулся мучительно долго. В конце концов меня отвели в первую комнату.

Подавленный и потерявший последнюю надежду на счастливый конец, я опустился на табурет. Из окна я увидел летящую

по небу ласточку и мысленно полетел с ней на свободу, домой. Сейчас жена и дети ждут нашего возвращения, ждут рассказов о поездке и гостинцев. Я пытался молиться, но апатия превозмогала.

Потом я стал думать о завтрашнем дне. Меня будут ждать в училище для открытия курса по сварке. Что ответит моя жена, когда её начнут расспрашивать обо мне? Вернётся ли домой мой попутчик? А может, нашим следующим адресом станет Сибирь?

Наконец наступила ночь, и таможня закрылась. Мне вернули бумажник с документами и вывели меня во двор. Там я мельком увидел финский автобус, в котором сзади сидели мои попутчики. Слава Богу, что хоть моего товарища и детей освободили!

Теперь я остался совсем один в чужой стране. На ночлег меня отправили в мой прицеп. Военные должны были сторожить его, пока я буду спать.

Усталость и голод совсем лишили меня сил. За весь день мне не дали ни крошки еды. Здесь я попытался найти для себя что-нибудь съестное.

У меня в кармане лежала копия протокола допроса на русском языке. «Здесь ты признаёшься в том, что перевёз эти вещи»,— пояснили мне, предоставив документ для подписи. Я не стал возражать, да и какую роль это сыграло бы в моём положении? Таможенники же могли написать что угодно.

В Выборге

Едва я успел разместиться в прицепе, как в дверь кто-то постучал.

— Завтра в Выборге в гостинице «Дружба» состоится допрос, поэтому ты должен ночевать там,— на ломаном финском языке сообщил советский офицер. — Поедешь на своей машине в сопровождении.

Так я снова оказался в Выборге. По приезду у меня забрали ключи и приказали под надзором охранника оплатить себе место в гостинице.

Вообще, я плохо сплю даже в обычные дни, а в той ситу-

ации тем более не мог заснуть. Меня терзали мысли: «Вдруг следующую ночь придётся провести в тюрьме?» Усталый, я выпил снотворную таблетку и забылся на несколько часов.

Утром следователи отвели меня на самый верхний этаж гостиницы, в большой вестибюль, похожий на зал, где я увидел множество незнакомых мне людей. Меня усадили за стол, на котором были разложены все изъятые материалы. Следователи окружили меня и, включив видеокамеру, начали допрос.

Через переводчика мне объяснили, что я вмешался в политику и ставлю под удар хорошие отношения между нашими странами, что своими действиями я нарушил законы Советского Союза и пытался разрушить советский общественный строй.

Я молча слушал перечень своих преступлений. Вероятно, в какой-то момент я, сам того не замечая, немного усмехнулся, потому что переводчик вдруг выпалил:

— Ты что, не понимаешь, что в наших руках твоя свобода и даже жизнь?

В ответ я кивнул: именно так оно и было. Потом, набравшись смелости, я сказал:

— Найденные у меня фотоснимки считаются опасными потому, что верующих, изображённых на них, преследуют и, может быть, даже уничтожают.

Последовала новая вспышка злости, и мне убедительно заявили:

— В Советском Союзе за веру в Бога не расстреливают.

Допрос проходил в напряжённой обстановке. Следователи снова и снова пытались узнать, откуда я получил изъятый материал, я же старался придерживаться своих первоначальных показаний.

Ситуация казалась безвыходной. Мной начали овладевать усталость и отчаяние, на что и рассчитывали представители власти. Как же я ждал хоть небольшую передышку от допроса или хотя бы намёка на возможное освобождение! Тоска по дому щемила сердце, силы иссякали.

В конце концов мне дали лист бумаги и ручку и предложили написать всю правду, принеся извинения советскому государству за совершённые преступления, а также отметить,

что органы власти отнеслись ко мне хорошо. Но я не стал изменять своих показаний и написал в этой объяснительной всё как и в первой, только добавил немного подробностей.

После этого мне велели назвать цену моей машины и жилого прицепа. Я сказал, что «Тойота-Краун» стоит двадцать тысяч финских марок, а жилой прицеп — пятнадцать тысяч.

Затем мне объявили:

— Поскольку ты не рассказал всей правды, твоя машина с жилым прицепом конфискуется в пользу советского государства.

Я не стал оплакивать потерю, потому что внутренне я с ней уже давно смирился. Что-либо доказывать было бессмысленно: это не изменило бы решения властей, а напротив, могло бы только ужесточить его. К тому же найти другой автомобиль для перевозки Библий не составляло большой проблемы.

Мой друг и дети уже находились дома, а меня, как особо опасного преступника, допрашивала добрая дюжина офицеров КГБ под наблюдением прессы и телевидения.

Мою душу вновь атаковали вопросы: как перенесёт случившееся моя жена? Что скажут дети, когда их спросят, где отец? Что подумает мой работодатель? А если я получу срок, то в каких условиях мне придётся его отбывать? Выдержу ли я всё это?..

В глубине души я надеялся на то, что меня всё же отпустят домой, хотя об этом на допросе не было и речи.

Следователи говорили между собой о чём-то по-русски, и я, разумеется, не понимал ни слова. Через некоторое время отворилась дверь, и какая-то женщина внесла посуду и столовые приборы. Видимо, допрашивающие меня проголодались.

— Ты, наверное, тоже хочешь есть? — спросил меня переводчик, улыбаясь. — Я могу проводить тебя вниз, чтобы ты там пообедал.

Мне уже пришлось заплатить за гостиницу, а теперь я должен был платить ещё и за еду! И хотя в прицепе лежали мои продукты, мне ничего не оставалось делать, как послушно идти за переводчиком в столовую.

После обеда мне объявили, что моё дело передаётся на

рассмотрение в таможню. Снова началось долгое ожидание. Скорее всего, представители власти в это время решали мою дальнейшую судьбу. В конце концов мне отдали ключи от машины и приказали ехать к зданию таможни на КПП. Здесь у меня забрали подписанные мной накануне бумаги, и снова началось томительное ожидание.

Несколько фотографий верующих, их имена и адреса сделали меня преступником и врагом Советского Союза, в то время как официально в этой стране была свобода вероисповедания. Это никак не укладывалось у меня в голове, но я молча ждал, когда мне сообщат о моей судьбе.

День склонился к вечеру, когда меня вызвали в кабинет начальника таможни. Передо мной положили полностью исписанные три листа бумаги и сказали:

— Распишись в том, что признаёшь наличие у себя перечисленных здесь предметов.

Я понятия не имел, что было написано на тех листах, но не хотел поднимать шум и просто написал в нужном месте своё имя.

Переговорив на русском, таможенники спросили меня, появится ли в финских газетах мой нелестный отзыв о ситуации с правами человека в Советском Союзе, если они меня отпустят. Я ответил, что верующие должны прощать и забывать обиды.

Только сейчас, когда моё преступление было тщательно задокументировано и моё имущество конфисковано, власти решили подумать о помиловании.

Возвращение домой

Через переводчика сотрудник КГБ ещё раз выразил сожаление, что я рассказал им не всё, и объявил, что я могу забрать из машины свои вещи, а затем меня посадят на какой-нибудь финский автобус, который будет пересекать границу. Я облегчённо вздохнул.

У нас с собой было много вещей, и я мог унести только малую часть. Сотрудники КГБ пристально следили, чтобы я не взял никаких регистрационных или других бумаг. Даже дорожную карту забрать мне не разрешили.

Поздно вечером финский автобус перевёз меня через границу. Финские таможенники встретили меня приветливо, и я даже смог позвонить домой и сообщить семье, что нахожусь на территории родной страны. Вскоре к зданию таможни подъехал представитель финской тайной полиции из Лаппеенранта, чтобы допросить меня о том, что произошло по ту сторону границы. Так я попал в новую ситуацию, о которой не подумал заранее.

Полицейский разговаривал со мной в спокойном дружественном тоне.

— Чего, на ваш взгляд, русские желали достичь, конфискуя у вас найденные материалы? — интересовался он.

— Религиозные преследования там настолько сильны, что верующие пытаются передать за границу имена, адреса и фотографии репрессированных, чтобы о них узнал свободный мир,— был мой ответ.

— Вы действительно нарушили советские законы только на обратном пути?

Я утвердительно кивнул. Вдруг мне пришла мысль, что и здесь мне могут устроить основательный досмотр, и я попросил разрешения сходить в туалет. Там я разорвал на мелкие кусочки полученный мной на советской таможне документ, в котором стояла моя подпись. Спустив бумагу в унитаз, я возвратился к полицейскому. Однако мои страхи не оправдались. Разговор плавно перетёк в беседу о действиях советской власти.

Исчерпав тему разговора, представитель тайной полиции успокоил меня, сказав, что никаким образом я законов Финляндии не нарушил, и даже предложил подвезти меня до Лаппеенранта. Я с радостью согласился.

Прибыв в Лаппеенранта, я продолжил путь на последнем автобусе до Коувола. Ночью городской транспорт уже не ходил. Но я вспомнил, что в Коувола живёт мой двоюродный брат, и договорился с ним, чтобы он довёз меня до Лахти. Там мне пришлось немного подождать у автовокзала, пока не приехал мой друг. Он уже доставил меня в родной город.

Домой я успел к восьми часам утра и, нисколько не отдохнув после бессонной ночи, отправился в училище преподавать сварочное дело.

Верующие друзья принесли нам цветы. Мы помолились, благодаря Бога за Его милость.

На следующей неделе я принял участие в курсе повышения квалификации, организованном в сельскохозяйственном училище.

На третий день занятий после обеда я вышел из столовой и направился через двор в сторону своего кабинета, как вдруг позади себя услышал звук мотора. Обернувшись, я увидел, что перед главным входом училища остановилась полицейская машина и из неё вышли два офицера в полицейской форме. Я решил, что они приехали за мной, и с тяжёлым сердцем поплёлся в сторону главного корпуса, чтобы быть на месте, когда меня вызовут. Но каково же было моё удивление, когда сквозь стекло в вестибюле училища я увидел, как офицеры полиции взяли себе в столовой подносы с едой! Оказалось, они просто проверяли движение на шоссе и зашли в столовую пообедать. Вот к какой подозрительности привела меня недавняя поездка.

На этот раз газета «Труд Сатакунта» не получила материала для своих фельетонов. Скорее всего, «Советская Карелия» обошла моё дело стороной. К счастью, полиция меня не беспокоила, поэтому информация о случившемся не дошла до моего работодателя.

Проверочная поездка в Выборг

Жизнь продолжалась, а мне всё хотелось узнать, смогу ли я снова получить визу в Советский Союз. Я заказал для себя, жены и нашего младшего сына однодневную туристическую поездку с ночлегом в построенном финнами отеле «Дружба», который был мне хорошо знаком.

Мне по-прежнему верно служил шестнадцатилетний «Опель-Рекорд», на котором я уже не один год перевозил Библии. Моя жена и сын не хотели ехать в СССР, поэтому было решено по пути навестить родственников в восточной Финляндии.

Это была моя первая поездка за железный занавес без духовной литературы. Я хотел проверить, как отнесутся к нам таможенники и как тщательно они будут досматривать машину.

На этот раз я подъехал к таможне Ваалимаа. Всё было как прежде: поверхностная проверка у шлагбаума и основательный

досмотр на КПП. Два таможенника в форме и два механика в рабочих комбинезонах обследовали нашу машину очень тщательно.

Мы прошли через металлоискатель, и мне приказали даже прикатить запасное колесо для его просвечивания. Личного досмотра не было, зато нашу машину «раздели» полностью: все коврики из салона и багажника выбросили наружу, сняли сиденья и подлокотники, обшивку дверей и даже заглянули за обшивку потолка. Одетые в комбинезоны инспекторы тыкали металлическими стержнями разной толщины в бензобак и во всевозможные полости и щели. Потом они довольно долго снимали отопитель салона. Как обычно, в моторном отсеке досмотру подверглись аккумулятор и воздушный фильтр.

Следить за тем, что происходит с нашим стареньким «опелем», нам было немного смешно: несмотря на все старания, таможенники всё равно ничего не найдут.

В конце концов инспекторы потеряли к машине всякий интерес, и поездка могла продолжаться, причём без переживаний о том, как передать русским христианам Библии.

В Выборге на рынке мы увидели, как люди стоят в очереди за свиными костями. Мы же купили только русский ржаной хлеб да кулёк конфет для нашего десятилетнего сына. Хлеб нам подали без обёрточной бумаги, чему мы с женой удивились. Заметив это, продавщица попросила денег за пластиковый пакет. Этот пакет стоил дороже, чем хлеб и карамель вместе взятые.

Переночевав в гостинице, мы выехали из Выборга и направились в сторону Финляндии. Шёл дождь, и стёкла запотели. Я включил отопитель салона и вдруг заметил, что он не работает. Оказалось, таможенник не присоединил назад провода. Да и коробка отопителя висела всего на одном болте.

Продолжение поездок

Все знакомые мне финны считали, что библейские курьеры, которые попались на советской таможне, одновременно попадали в чёрный список КГБ, после чего уже не могли получить визу в СССР.

У меня уже дважды обнаруживали тайники при пересечении границы, но после этого мне всегда удавалось снова получить визу. По всей видимости, оба раза КГБ по ошибке забывал включить меня в чёрный список.

Снова решиться поехать в Советский Союз в качестве курьера мне было нелегко. Какое-то время я обдумывал этот вопрос перед Богом и вскоре утвердился: надо ехать! К тому же и моя жена относилась к моим поездкам с терпением и пониманием, хотя считала, что следовало бы сделать какой-то перерыв.

Так я продолжил ездить в Советский Союз, Румынию и другие страны, находящиеся за железным занавесом. Поездки проходили по одной и той же схеме: долгие бюрократические процедуры оформления визы, проверка каждого винтика на таможне, а потом полная опасностей передача груза гонимым христианам...

Штраф за ошибку

Моя старенькая машина верно служила мне ещё несколько лет, но вскоре настало время её поменять. Я обошёл несколько автосалонов в поиске выгодных предложений. В одном из них я уже было сделал окончательный выбор, но из-за очередной поездки в Советский Союз сделку отложил.

В пятницу утром мы с приятелем отправились в сторону границы. Обычно мы нигде не останавливались, но в этот раз, проезжая город Рийхимяки, сделали исключение. Я хотел заглянуть здесь в автосалон.

Новый «опель» здесь стоил значительно дешевле тех, что я встречал в других автосалонах. Мы быстро заключили сделку, и я пообещал забрать свою машину после возвращения из поездки.

На таможне инспекторы помимо прочего проверили содержимое моих карманов, где лежали бумаги из автосалона. Обнаружив их, мужчины очень удивились, но, тщательно осмотрев наш автомобиль и не найдя ничего запрещённого, нас отпустили.

В Выборг мы прибыли незадолго до наступления темноты и, чтобы не заблудиться, решили проехать через город, следуя за

колонной грузовиков. Но сразу после жилых районов грузовики свернули с основной дороги, а так как нам явно не надо было сворачивать, мы продолжили путь в одиночку. Вскоре мы заподозрили, что эта дорога не приведёт нас в Ленинград.

Через несколько километров наши опасения подтвердились — мы упёрлись в шлагбаум. Вышедший из своей кабины сторож забрал у нас паспорта и велел припарковаться рядом с будкой.

Просидев с полчаса в неизвестности, мы решили вернуться в Выборг и оттуда снова направиться в Ленинград. Мой попутчик пошёл за паспортами, но ему их не вернули.

По дороге мы не видели никакого знака, запрещающего движение, и просто поехали не туда, куда было нужно, а теперь нас не хотели отсюда отпускать.

Вскоре подъехала милицейская машина, и нам приказали следовать за ней. Мы доехали до милицейского участка в Выборге, где нас усадили на выщербленную скамейку в мрачном каменном вестибюле. Мы сидели, как сироты, и ожидали, чем всё это кончится. Вокруг слышалась русская речь и мелькали хмурые лица милиционеров.

Через некоторое время к нам подошли двое мужчин в форме и жестом приказали следовать за ними. Мы остановились возле двери, обитой железом, милиционер повернул большой ключ в массивном замке, и она со скрипом отворилась. Мы оказались в старом каменном подвале. Мрачный коридор слабо освещался карманным фонариком милиционера. Я подумал, что в этот раз гостиничным номером нам будет служить тюремная камера, и стал уже прикидывать, какой срок заключения нам могут дать. Но мы прошли до конца коридора, поднялись по освещённой лестнице на третий этаж и оказались в помещении, похожем на комнату для допроса.

Милиционеры заговорили между собой по-русски и стали что-то писать. Хотя день уже клонился к вечеру, они ничуть не спешили. Наконец с помощью словаря нам сообщили, что мы нарушили правила дорожного движения, свернув налево там, где следовало свернуть направо, и теперь должны заплатить штраф в размере пятидесяти рублей. С таким решением мы

не согласились, поскольку виновными себя не считали. Но потом, порассуждав и подсчитав свои рубли, мы решили всё-таки заплатить штраф. Однако в этот раз не согласились уже милиционеры.

Так и не возвратив нам паспорта, они приказали спуститься во двор к машине, и уже вскоре мы снова следовали за милицейским автомобилем. Следующей остановкой стала знакомая нам гостиница «Дружба». В канцелярии «Интуриста» нас попросили написать объяснительные о совершённом правонарушении.

Хотя за рулём во время происшествия находился мой попутчик, я решил взять вину на себя и написал, что по пути в Ленинград по ошибке повернул налево, когда следовало свернуть направо.

Чиновница из «Интуриста», знающая финский язык, прочитала мою объяснительную, улыбнулась и что-то спросила у милиционеров. Те кивнули в ответ, и она празднично огласила приговор: штраф на сумму пятьдесят рублей.

Под пристальным взглядом людей в форме мы протянули женщине деньги, но она сказала:

— Поскольку банк нашей гостиницы и пункт обмена валют уже закрыты, вам придётся платить в финской валюте.

Мы с попутчиком возмущённо посмотрели друг на друга.

— А сколько это будет? — спросил я.

— Это составит триста пятьдесят марок. Вы расплатитесь и будете свободны!

Мы поняли, что стражи закона нас обманывают, но возражать было бесполезно.

За окном стемнело, а нам ещё предстояло добираться до Ленинграда. Несмотря на это, мой попутчик не хотел идти у них на поводу, но я всё же достал кошелёк и отсчитал названную сумму.

«Интуристовцы» не скрывали радости. Они выписали нам чек, в котором было указано, что мы заплатили пятьдесят рублей, и, вернув нам паспорта, отпустили.

В подавленном настроении мы продолжили свой путь в Ленинград.

В поездках мы часто сталкивались с трудностями и неприятностями, иногда с опасностями. Но Бог всегда заботился о нас.

Перевозчики Библий не были безгрешными людьми. В испытаниях проявлялись и отрицательные наши качества. Трудности обнажают в нас тёмные стороны, которые в хорошие дни не видны. Поэтому никогда не стоит гордиться собой и приписывать себе какие-то заслуги.

Доставка книг через Таллин

Во время перестройки в СССР начали восстанавливаться права человека, атеизм постепенно разжимал свои тиски. Поползли слухи, что теперь вместе с одеждой, медицинскими товарами, продуктами питания и другой гуманитарной помощью в СССР можно провозить и духовную литературу. Для этого было необходимо, чтобы представители общин обратились в соответствующие органы за разрешением.

Теперь доставка Библий в Советский Союз осуществлялась через Таллин — удобный пункт для морских перевозок. Проходить таможню здесь было намного проще.

Однажды мне предложили сопроводить в Таллин груз с полутора тоннами Библий и гуманитарной помощью. Я согласился и попросил друга поехать со мной. Народная миссия Финляндии выступала в качестве официального дарителя груза для общины в советской Эстонии. Пастор этой общины должен был лично приехать на таможню, чтобы принять груз.

Библии предстояло забрать из типографии в Миккели. Там же мы получили документы для транспортировки груза и, заполнив им наш пикап, отправились в Западный порт Хельсинки, а оттуда на судне — через Финский залив в Таллин.

В столицу Эстонии мы прибыли около полуночи. На этом таможенном пункте я был впервые. Моё внимание привлёк огромный ангар, где, по всей видимости, осуществлялся таможенный контроль. Туда я и направился.

По дороге я заметил двух людей, машущих мне, чтобы я остановился. Мой попутчик узнал в них представителей общины, которые должны были встретить нас на таможне. Мы обменялись с ними двумя-тремя фразами (они немного понимали

по-фински), и я заехал в ангар, где машину тут же загнали на смотровую яму. Все вещи и книги лежали открыто, а потому искать в автомобиле тайники не имело смысла.

Что представители общины говорили таможенникам по-русски и какие бумаги они заполняли, я не знал, но, так и не спросив у меня документы на груз, мне разрешили выехать из ангара со всем моим грузом. Потом представители общины взяли у нас бумаги, касающиеся груза, и, посоветовав нам поставить машину на стоянке неподалёку, направились к зданию таможни.

Прошло больше часа, приближался рассвет. Мы с попутчиком очень устали и поэтому были немного раздражены долгим ожиданием.

Наконец к нам подошёл один из представителей общины.

— Библии должны быть пока оставлены на таможне,— сообщил он.

Оказывается, верующие всё это время уговаривали таможенников вместе с вещами пропустить и книги. Но те не соглашались, объясняя это тем, что принять такое решение может только начальник, а ночью с ним связаться невозможно. Кроме того, для провоза Библий требовались ещё дополнительные бумаги, которых у представителей общины не было.

Разочарованные, мы отнесли Библии на склад, утешаясь тем, что скоро их всё-таки можно будет забрать.

Часы показывали пять утра, когда мы прибыли в отель «Палас», чтобы хоть немного поспать. Согласно плану поездки возвращаться домой мы должны были через Ленинград. Впереди нас ожидало более тысячи километров, поэтому, отдохнув несколько часов, мы сразу отправились в путь.

Но сэкономить время нам всё же не удалось. Мы изъездили весь Таллин вдоль и поперёк, но дорогу, ведущую в Ленинград, так и не нашли. В конце концов мы подъехали к отелю «Олимпия», попросили водителя такси вывести нас на нужную нам трассу.

Проезжая мимо советских сёл, мы видели полуразвалившиеся дома и вздыхали от жалости — люди десятилетиями не строили ничего нового.

В Ленинграде нас встретили новые трудности. На нашей туристической карте въезды в этот город и выезды из него, а также другие дороги были обозначены неясно, и я сразу же понял, что ориентироваться по ней не смогу.

Мы начали нервничать и вскоре были вынуждены признать, что окончательно заблудились. Катаясь по городу, мы не имели ни малейшего представления о том, где находимся. Усталость и недосыпание отразились и на наших отношениях. Мой попутчик был обижен на меня. Я же был раздражён из-за того, что не мог решить свою трудную задачу.

Мы остановились и стали спрашивать у прохожих дорогу. Какой-то великодушный ленинградец показал нам на карте точку, где мы находимся, но это не очень-то нам помогло.

На одном перекрёстке на соседней полосе перед светофором остановилась жёлтая «Волга» со знаком такси на крыше. Когда уже вот-вот должен был зажечься зелёный свет, я, ничего не сказав своему другу, выскочил из машины и сел в такси. Водитель даже немного испугался. Я же не знал, что сказать, но, как только зажёгся зелёный свет, вспомнил про кемпинг «Ольгино» и назвал его водителю. Кемпинг находился на другой стороне города, на дороге, ведущей к Выборгу. Таксист кивнул, и мы двинулись с места.

Я даже не подумал о том, в каком положении оказался мой попутчик: ему пришлось следовать на нашем пикапе за мчащимся на огромной скорости такси.

Мы пронеслись через весь город и выехали на нужную дорогу. От аварий нас уберегла не иначе как армия Ангелов-хранителей, за что мы покорно поблагодарили любящего Бога. В очередном испытании Он снова позаботился о нас.

Таможню мы прошли довольно быстро. Рано утром я уже въезжал во двор своего дома, предвкушая отдых после напряжённой поездки.

ПОЕЗДКИ В РУМЫНИЮ И БОЛГАРИЮ

Начало поездок в Румынию

Собрание закончилось. Я выхожу из канцелярии Народной миссии Финляндии в Сатакунта. Вместе со мной выходит один из работников отдела по распространению духовных книг. Перед тем как нам разойтись по своим машинам, он задаёт мне короткий вопрос:

— Поедешь в Румынию? Поездка намечается через три недели.

— Да, поеду,— не раздумывая ответил я.

Мне предложили принять участие в разгрузке фуры, в тайниках которой будет спрятано большое количество Библий. Более десяти пикапов должны были заехать в Румынию и взять по две-три тонны книг для раздачи преследуемым общинам. Я уже был несколько раз в Румынии на легковой машине и вёз совсем немного Библий. Сейчас же мне предстояло заехать туда на небольшом грузовике, закрытый кузов которого был переделан в жилой модуль. Этот автомобиль мог принять около трёх тонн груза. Я хорошо понимал: если мой груз вызовет у милиции подозрение, это принесёт большие неприятности не только мне, но и всем библейским курьерам.

У меня уже было представление о тяжёлых допросах на таможне, которые легче перенести, если меньше знаешь имён и подробностей. Поэтому я не особо вникал в детали этого дела.

Наши практические приготовления шли буднично и рутинно,

и, как всегда, меня одолевали сомнения. Я никогда не знал точно, вернусь ли домой. Мне было уже далеко за пятьдесят, и я серьёзно задумывался над тем, смогу ли выдержать арест. Из книг Вурмбранда я кое-что знал о тюремных условиях в Румынии, и эти сведения не придавали мне смелости.

Конечно, делиться с родными подобными тревогами было неразумно, и я лишь обнадёживал их скорой встречей. Но наедине с Богом я всегда изливал свою душевную боль. Если бы нас не постигали переживания, наши молитвы были бы короткими и нечастыми. Зная об этом, Блюститель наших душ не лишает нас невзгод и трудностей.

Первая поездка в Румынию прошла почти безболезненно. Господь оберегал Своё дитя. Неприятности встретились только на обратном пути, когда вышел из строя выключатель холодильника в жилом прицепе. Из-за этой поломки на длительных остановках аккумулятор разряжался, и завести машину было нелегко. Но мы не унывали, так как самое трудное осталось позади.

Благополучное возвращение из этой поездки укрепило нашу надежду на Божье благословение в дальнейшем. Хотя усталость и невзгоды часто проверяли сплочённость нашей маленькой группы, всё же о поездке у всех осталось приятное впечатление.

Вторая разгрузка фуры в Румынии

В следующем году я принял участие в ещё одной поездке в Румынию на том же грузовике с жилым модулем. Со мной поехали две женщины, одна из которых была запасным водителем, а другая выполняла роль переводчика. Мы отправились в Румынию из Австрии через Югославию.

Уже в сумерках мы добрались до границы с Югославией, и тут я заметил, что на приборной панели мигает индикатор заряда аккумулятора. Вскоре он стал гореть постоянно, и я понял, что аккумулятор не заряжается вообще. Ждать помощи было неоткуда, поэтому я остановился, и мне удалось самому исправить проблему. Мы проехали ещё немного и остановились для ночлега.

На следующий день у нашей машины неожиданно треснула

выхлопная труба. Салон автомобиля наполнился шумом и вредными газами. Я подъехал к ближайшей автомастерской, но кроме продажи бензина она ничем не занималась, и нам пришлось ехать в мобильной «газовой камере» ещё двадцать километров до следующей автомастерской. Хотя своей очереди мы ожидали долго, но, к счастью, ремонт занял чуть более часа.

Мы хотели успеть в тот же день на румынскую таможню, поэтому я мчался, стремясь наверстать упущенное время.

На одном отрезке дороги, где проходили ремонтные работы, я вдруг заметил, что двигатель не реагирует на нажатие педали акселератора. У меня замерло сердце: остановка в этом месте вызовет затор.

Сообразив, что у педали сломалось крепление, я пробовал нажимать на неё в разные стороны и в конце концов нашёл положение, в котором тросик акселератора хоть немного натянулся. Таким образом нам удалось доехать до стоянки, где я устранил неисправность.

В связи с этой поломкой мы ещё больше отстали от своего расписания, но, к счастью, в девять часов вечера были уже на таможне.

О том, что нас могут задержать, мы не волновались, потому что не везли ничего запрещённого. Нашей целью было забрать книги из большой фуры и доставить их пасторам преследуемых общин.

На югославской стороне границы досмотр прошёл быстро и поверхностно. Похоже, югославские таможенники знали, что на румынской таможне наша машина будет проверена до последнего винтика, и поэтому делали своё дело без особой ревности.

И вот мы прибыли на румынскую таможню. Перед нами стояли в очереди на таможенный досмотр три машины.

Мы особо не переживали: у нас в запасе было два часа и очередь оказалась сравнительно короткой. В ожидании мы наблюдали за тем, как проходит досмотр других машин. Назвать это досмотром было трудно — скорее, это была разборка автомобилей на части.

Покой начал сменяться тревогой. Стало очевидно, что

пройти досмотр до полуночи мы не успеем. Женщины перебрались в жилой отсек, и вскоре за моей спиной послышался храп. Мне же вспомнилась ночь в Гефсиманском саду.

Я продолжал смотреть, что происходит на таможне. На соседней полосе одну машину разбирали так основательно, что сняли сиденья, спинки и всё, что только можно. После этого в салон загнали собаку, которая обнюхала и двух беспомощно стоящих рядом туристов.

Потом эти двое мужчин (скорее всего, владельцы машины) стали всё возвращать на свои места. Когда наконец было собрано что-то напоминающее автомобиль, подошли таможенники и отогнали его в сторону, а туристов отвели в здание таможни. Через какое-то время я увидел, что в окне пристройки, на котором была установлена решётка, зажёгся свет. Значит, мужчин арестовали.

Мне стало жутко. Я сидел и ждал, не в силах даже помолиться. Время от времени женщины просыпались, спрашивали, что произошло, и советовали мне хоть немного поспать. Но я ни на минуту не сомкнул глаз, так как слишком хорошо знал, что меня ждёт.

К трём часам ночи машин перед нами не осталось, но нас всё равно не вызывали на досмотр. Какое-то движение началось только через час. Мне приказали проехать немного вперёд, и два таможенника с хищным видом забрали у нас паспорта и документы на машину. Хотя я отдал им всё, что нужно, они стали утверждать, что у нас не хватает каких-то бумаг.

Объяснения не помогли, и досмотр начался в напряжённой атмосфере. Мне нужно было отвечать за автомобиль, но, поскольку языка я не знал, моё место вскоре заняла одна из моих попутчиц, и большую часть времени я просидел на скамейке со вторым водителем.

Таможенники нашли у нас совсем новый карманный фонарик и тут же присвоили его себе и стали с его помощью досконально осматривать машину. Сначала они сняли часть обшивки стен и часть обшивки потолка салона. Затем решили снять холодильник и настенные шкафы в жилой части машины. Но для этого нужна была более чем полуметровая отвёртка,

и от нас стали требовать специальных инструментов. В качестве такой отвёртки использовался упор для капота. Об этом женщины не знали. Что же касается меня, то я делал вид, что совсем не понимаю, о чём идёт речь.

Ситуация была неприятной и угрожающей. Я не знал, станут ли таможенники ломать машину и зажжётся ли свет в зарешёченном окне таможенного здания для меня. Голова болела от усталости, так что молиться я не мог, а только несколько раз тихо вздохнул, как бы посылая в небо короткую просьбу о помощи.

Машину и жилой модуль всё же ломать не стали, только аккуратно разобрали часть за частью, а потом всё поставили на свои места.

После двухчасового обыска, в шесть утра, началось выяснение вопросов насчёт документов на машину. Она принадлежала моему другу из Финляндии, и он дал мне расписку, что предоставляет эту машину мне в аренду. Но таможенники утверждали, что кроме его подписи на этой бумаге должна стоять печать. К счастью, после недолгих споров таможенники согласились с тем, что одной подписи достаточно.

В 6:15 мы отъехали от таможни и вскоре остановились для завтрака. Пока мои попутчицы занимались приготовлением пищи, я осмотрел машину. После мы решили поспать, но от перенапряжения я никак не мог забыться.

Место за рулём заняла наш второй водитель. Сидя на пассажирском сиденье, я в какой-то момент задумался: стоит ли вообще участвовать в перевозке Библий? Оправдывают ли цели риск и все затраты?

Мы следили за тем, чтобы усталость и нервозная обстановка не влияли на наши отношения. Иногда было очень тяжело подавить в себе бушующее желание отстаивать своё мнение, но Бог давал на это силы. Библия справедливо говорит: «...владеющий собою лучше завоевателя города» (Притч. 16, 32).

Сейчас мы двигались к тому месту, где около полуночи должны были встретить фуру и перегрузить из неё в жилой отсек нашей машины почти три тонны Библий.

В темноте южной ночи мы принялись за дело. Я опять сел

за руль и не переставал молиться о том, чтобы ни один милиционер не остановил нас, так как ящики с Библиями не были спрятаны.

Пришло время сделать остановку для ночлега. Я с трудом расположился в узком пространстве между ящиками и потолком и, обессиленный, заснул.

До сих пор Господь помогал нам. Таможенный досмотр, тяжёлая и опасная перегрузка книг прошли благополучно, и теперь оставалось только передать Библии верующим.

Заключительная часть операции тоже должна была пройти под покровом ночи, поэтому весь следующий день мы, ничего не делая, ждали вечера. Уже в сумерках мы легко нашли нужный дом и, освободившись от книг, направились в сторону Вены — столицы Австрии.

По дороге мы решили наполнить на заправочной станции бензином канистры. Но, как выяснилось, в Румынии это было запрещено. К нам неожиданно подошёл милиционер и стал угрожать законом. К счастью, мы всё-таки смогли заправиться без большого конфликта.

Следующая остановка была на румынской таможне. Её мы прошли за два часа — выезжать из страны всегда легче. По дороге мы любовались зелёными полями Венгрии и к вечеру прибыли в Вену.

Бог в этот раз снова проводил нас через сложные ситуации и тем самым дал почувствовать полную зависимость от Него. Он заботится о том, чтобы мы не впали в гордыню и не стали полагаться только на технику. Важно помнить, что кого Бог любит, того Он и наказывает.

На протяжении всей нашей жизни Господь работает над нами, желая, чтобы мы были чисты в тот день, когда подойдём к последнему «шлагбауму» — ко входу в Небесный Иерусалим. Пройдём ли мы ту «таможню» — зависит не от наших дел, а от нашей веры в искупительную жертву Иисуса Христа. Своею смертью на кресте Он освободил нас от власти сатаны. Если Иисус признает нас перед Божьим престолом Своими, то мы будем пропущены в Его Царство. Тогда мы, Его слуги, по Его великой милости войдём в вечное блаженство!

Поездка в Болгарию

«Никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадёжен для Царствия Божия» (Лук. 9, 62). Для меня эти слова значат много, поэтому я решил и следующим летом участвовать в перевозке Библий в страны Восточной Европы.

Отвезти книги нужно было в Болгарию. Нам предстояло получить в Вене автомобиль с тайником, заполнить его Библиями и проехать в Грецию транзитом через Болгарию, оставив там груз.

На этот раз вторым водителем был мой знакомый автомеханик. В качестве переводчицы с нами поехала одна студентка. Двумя месяцами ранее я купил себе новый «Опель-Омега», на котором мы и отправились из Финляндии в Вену.

Иногда я чувствовал себя уже несколько старым для подобной деятельности, но в таком приятном молодом обществе я и сам помолодел.

В Австрии на базе международной организации «Операция мобилизации» (ОМ) мы получили небольшой грузовик с жилым модулем, который был оснащён тайником. Заполнив его доверху Библиями на болгарском языке, мы двинулись на восток.

На болгарской таможне наша машина неожиданно подверглась тщательному досмотру. По-человечески, в такой ситуации не было никакой надежды на то, что тайник не обнаружат. Но «невозможное человекам возможно Богу» (Лук. 18, 27). Если Он открыл дверь, то её никто не сможет затворить. Только благодаря Его непостижимой милости мы смогли пройти таможню.

Из Болгарии мы продолжили свой путь в Грецию, в город Фессалоники. Там у одной миссионерской семьи был большой книжный склад с Библиями на болгарском языке, и многие группы курьеров завозили Библии в Болгарию и при возвращении в Австрию.

В Фессалониках мы заметили, что у нашего автомобиля перестали работать передние тормоза. Посчитав, что износились тормозные колодки, мы решили купить новые и отправились искать пункт обмена валют. Но в это время как раз началась сиеста — послеобеденный отдых. Под палящим солнцем мы долго ходили по городу в поисках работающего

пункта обмена валют и сильно устали, пока его нашли.

Теперь оставалось найти запчасти к «тойоте». Мы обошли несколько магазинов, но подходящих нигде не было. Кто-то нам посоветовал пройти ещё три километра до большого специализированного магазина «тойоты».

И снова мы, усталые, под немилосердным южным солнцем поплелись вперёд. Сил становилось всё меньше, настроение падало.

— Давайте остановимся и прямо здесь, посреди улицы, совершим молитву,— предложил я.

Мы рассказали Богу о нашей нужде, а потом продолжили свой путь.

Пройдя около тридцати метров, мы увидели мужчину, сидящего на стуле перед дверью своей лавки. На наш вопрос, далеко ли ещё до магазина «тойоты», он ничего не ответил, а стал расспрашивать, кто мы такие и откуда.

Через минуту из лавки вышел другой мужчина. Он вынес для нас стулья, и мы смогли отдохнуть. Вскоре нам также принесли бутылку холодной минеральной воды и стаканы.

Узнав о нашей проблеме, мужчины сказали:

— Недалеко отсюда есть небольшая автомастерская. Сейчас мы туда позвоним, и за вами приедут.

Через несколько минут к той лавке действительно подъехала большая машина. На ней мы съездили за нашей «тойотой», в мастерской её тут же отремонтировали.

Бог ответил на нашу молитву так быстро, что мы могли только удивляться и благодарить Его. У нас не было веры, передвигающей горы. Но мы увидели, что Бог может в одно мгновение уладить любые наши земные дела, если мы на Него полагаемся.

В Греции мы опять взяли Библии на болгарском языке, намереваясь оставить их в Болгарии на обратном пути. На границе и в этот раз нас ожидало испытание. Семеро таможенников принялись разбирать нашу машину.

Мне стало так дурно, что я почувствовал, как язык буквально липнет к горлу. Наша переводчица попросила у таможенников разрешения вернуться назад.

— Сначала мы проверим вашу машину, а потом можете ехать куда хотите! — грозно ответил мужчина.

Нам ничего не оставалось делать, как только ждать, наблюдая за ходом событий. Мы тревожно переглядывались в опасении грядущего ареста. Я тихо взывал к Богу о помощи.

У всех испытаний есть одно общее: их меру определяет Господь. В этот раз Он не позволил таможенникам обнаружить тайники, и нас отпустили.

Снова в Румынию

Следующим летом я снова отправился в Румынию. Программа поездки была нам уже знакома: сначала на своей машине до Вены, где нас ожидал автомобиль от организации ОМ, потом встреча в Румынии финской фуры, её разгрузка и, наконец, развозка Библий верующим, живущим в разных уголках этой страны.

По пути в Австрию я был вынужден выслушивать комментарии и ценные указания с заднего сиденья по поводу моего вождения. «Наверное, трудностей с прохождением таможни и передачей книг не будет»,— подумал я, решив, что дорога в Австрию и является главным испытанием для меня в данной поездке.

В Вене мы получили автомобиль марки «Мерседес 508», грузовой кузов которого был переделан в жилой. На нём мы и отправились в Румынию. На этот раз трудностей с пересечением границы у нас на самом деле не было. Поздно вечером заехав в Румынию, мы припарковались на обочине и решили переночевать.

После полуночи раздался внезапный грохот — позади нас остановилась гружёная фура. Через минуту кто-то стал настойчиво стучать в дверь нашей машины. Нарушители покоя хотели получить от нас бензин. В ответ я что-то сурово прокричал. Некоторое время «гости» ещё зло топтались рядом с нами, но выламывать дверь не стали и вскоре уехали.

Следующей ночью нас ждала разгрузка фуры. С наступлением сумерек мы остановились недалеко от места встречи и в ожидании решили поесть. Обойдя машину, я вдруг заметил, что

бензобак протекает. Я нащупал в его днище маленькую дыру. Надо было срочно что-то предпринять.

Заточив перочинным ножом зубочистку, я воткнул её в отверстие, а потом ещё залепил его жевательной резинкой. Течь прекратилась.

Около полуночи мы получили свою часть груза и, проехав пару часов, остановились на ночлег.

На рассвете я пошёл посмотреть, сколько за ночь натекло бензина. К моему удивлению, под машиной была лужица всего лишь размером с ладонь.

Около полудня мы остановились в одном городе. Проезжавший мимо велосипедист постучал к нам в дверь и показал рукой под машину. Там была огромная лужа бензина, и он ещё продолжал течь. Я натянул на себя рабочий комбинезон и полез искать дыру.

Оказывается, проржавевший бензобак стал протекать уже и в другом месте. Я опять вымазался в горючем, но с помощью зубочистки и жевательной резинки всё же смог остановить течь и в этот раз.

С наступлением темноты мы прибыли в маленький городок и нашли семью, которой должны были передать книги. Отец семейства и старший сын захотели дождаться глухой ночи и только тогда проводить нас к дому за городом, в котором следовало оставить груз.

Когда настала ночь, мы проехали почти десять километров, и наши провожатые сказали остановиться на обочине. Я с ними отправился пешком до нужного дома, а женщины остались в машине.

Идти пришлось в полной темноте. Через минуту на трассе появился автомобиль, свет фар которого осветил всю окрестность. Мужчины тут же притаились, как солдаты в минуту опасности, и я последовал их примеру. Когда всё стихло, мы пошли дальше.

Внезапно со стороны дороги послышался стук копыт и скрип телеги. Мы опять притаились, но вдруг собака, сопровождавшая телегу, с лаем понеслась на меня. Я замер. Где-то далеко моя семья ждёт мужа и отца, а я в страхе прячусь от

животного в темноте румынской ночи... К счастью, хозяин позвал собаку, и я успокоился.

Наконец мы достигли нужного дома. В нём было две квартиры, одна из которых пустовала. Именно в ней нужно было оставить Библии и продукты питания. При помощи света от фонарика провожатый показал мне двор, ворота и подъезд к дому. Потом объяснил, что я должен ехать сюда вслепую, то есть не зажигая фар. Эта задача показалась мне невероятно трудной.

Я побежал к машине и прыгнул за руль. Проехав около двухсот метров, я вдруг заметил, что один из наших провожатых машет мне рукой. Я остановился, но он куда-то пропал.

Что случилось, я не знал, но ехать дальше не мог. Сначала я стоял на обочине со включёнными габаритными огнями, но когда ко мне стали подходить ночные прохожие и, жестикулируя, что-то объяснять, я выключил свет.

Прошло около получаса, когда вновь появился наш провожатый, и при включённых габаритных огнях и тусклом свете фонарика мы тронулись в путь. В кромешной темноте я продвигался со скоростью пешехода, но по милости Господа в овраг не угодил.

Разгрузка книг была в самом разгаре, как вдруг самый верхний ящик с грохотом упал на пол машины. Это разбудило соседскую собаку, и она начала лаять. Мы на миг замерли.

Из соседнего двора донеслись крики хозяев в адрес пса.

Продолжая работу, мы двигались словно тени. Потом я отвёз провожатых домой и остановился на стоянке на ночлег. Часы показывали три часа ночи.

В конце Божьего поля

Рассказывая о работе библейских курьеров, обычно отмечают только хорошие их стороны. Этих людей описывают как борцов, особо исполненных Божьей силой, благодаря чему они способны выбираться из самых трудных ситуаций. Иногда даже создаётся впечатление, что речь идёт о каких-то сверхчеловеках, которых будничные проблемы вообще обходят стороной.

Однако библейские курьеры — не лучше других людей и

порой тоже причиняют душевную боль своим ближним, даже во время служения. Но, несмотря на свои слабости, они совершают работу во имя Бога. Во время поездок они имеют возможность почувствовать Его благоволение. Мы тоже испытывали это не раз.

Иногда мне приходилось вести машину шестнадцать часов подряд, и, достигнув места ночёвки, я всё равно не мог заснуть, несмотря на полное изнеможение. Но Господь в Своей удивительной заботе хранил меня от тяжёлых аварий и несчастных случаев.

Для меня как для курьера самым приятным было наблюдать, как христиане преследуемых общин получали Библии. В те минуты я ощущал присутствие Бога, сердце наполнялось радостью, а от недавних огорчений не оставалось и следа.

Я пишу эти строки в то время, когда железного занавеса уже нет, а ко мне подошла старость. Гусли моей души играют вечернюю молитву. Я часто вспоминаю слова теолога Тапио Ноусиайнена: «В конце Божьего поля работают послушные кони. Больше не надо натягивать уздечку и погонять их кнутом. Они хромают, как Иаков, их морды и бока в царапинах. Но они смиренно и умело тянут плуг. Борозда получается настолько глубокой, что небесный Сеятель может бросить в неё сотню семян».

ПОЕЗДКИ В ИЗРАИЛЬ

Железный занавес уже давно прекратил своё существование. Изнуряющие поездки в закрытые социалистические страны остались позади. Теперь не надо было думать, например, о предстоящих поисках ночлега где-то в Румынии. Об этом остались лишь воспоминания. Однако, несмотря на приближающуюся старость, особых проблем со здоровьем у меня не было и сил для курьерской работы ещё хватало.

Как-то раз свой летний отпуск я провёл с семьёй на работе в Израиле, в мошаве Яд-ха-Шмона. После этого мне захотелось приехать в эту страну снова, но с целью привезти сюда Евангелия. Мир получил от евреев Ветхий и Новый Завет, и я, как христианин, почувствовал себя в некотором долгу перед ними.

Более двух тысяч лет назад евреи ожидали, что обещанный Богом Мессия, будучи сильнее Давида, освободит их от римского ига, и отвергли Иисуса. К сожалению, в столь печальном состоянии израильский народ находится до сих пор. Но Библия открывает, что так будет не всегда и евреи ещё примут Иисуса как своего Господа и Спасителя: «...ожесточение произошло в Израиле отчасти, до времени, пока войдёт полное число язычников, и так весь Израиль спасётся, как написано: „придёт от Сиона Избавитель, и отвратит нечестие от Иакова“» (Рим. 11, 25–26). Скоро исполнится пророчество Захарии: «А на дом Давида и на жителей Иерусалима изолью дух благодати и умиления, и они воззрят на Него, Которого пронзили, и будут

рыдать о Нём, как рыдают об единородном сыне, и скорбеть, как скорбят о первенце» (12, 10).

Мне было чуть больше десяти лет, когда закончилась Вторая мировая война. Я не забуду, как даже в Финляндии евреев называли «жидами», считая их людьми второго сорта. А немцы вообще не считали их за людей и, как вредных насекомых, травили ядовитым газом. Но вопреки всему евреи выжили. Это Божий народ, и Бог Сам хранит его.

Во время войны вряд ли кто-то думал, что через несколько лет евреи создадут независимое государство Израиль, а Иерусалим впоследствии станет его столицей. Но это произошло, и произошло именно тогда, когда Германия была в развалинах и находилась под оккупацией.

«И возвращу из плена народ Мой, Израиля, и застроят опустевшие города и поселятся в них, насадят виноградники и будут пить вино из них, разведут сады и станут есть плоды из них. И водворю их на земле их, и они не будут более исторгаемы из земли своей, которую Я дал им, говорит Господь Бог твой» (Амос. 9, 14–15). Это пророчество сбылось, и мы все этому свидетели.

Первая поездка с Библиями в Израиль

Однажды друг позвал меня с собой в туристическую поездку, во время которой мы должны были провезти в Израиль Библии. Ветхого Завета у евреев предостаточно, но с полным текстом Библии ситуация обстоит совершенно иначе.

В Израиле уже существовали небольшие христианские общины, хотя основной религией этой страны является иудаизм. Нам было известно, что в Беэр-Шеве есть христианский книжный магазин и продавцом в нём работает Олави Сювянтё. Этот человек родился в Финляндии, но в молодости переехал с родителями в Израиль. К нему мы и решили отвезти Библии, большая часть из которых была на русском языке, а остальные — на иврите. Уложив книги на дно моей сумки, мы отправились в путь.

На этот раз мы имели дело со свободным западным миром, ведь Израиль являлся демократической страной. И если

израильские таможенники найдут у меня Библии, то они их могут конфисковать, но вряд ли я буду сурово допрошен и взят под стражу, как это дважды случалось в Советском Союзе. Конечно, я знал, что ортодоксальные евреи в широкополых шляпах доходят до крайностей в своём протесте против Нового Завета, считая его книгой язычников, и могут позволить себе противозаконные действия. И всё же, веря в правильность своего дела, я чувствовал эмоциональный подъём и не сомневался в благополучном исходе.

В аэропорту Хельсинки наш туристический багаж ни у кого не вызвал подозрения. Только одному из попутчиков сказали, что вес его сумки больше положенного, однако, не взяв с него дополнительной платы, сумку пропустили. «Что произойдёт, когда будут проверять наш груз в Тель-Авиве?» — с этой мыслью мы сели в самолёт.

После того как мы приземлились, нас провели на паспортный контроль. Приветливые женщины в форме проверили наши документы. Потом мы получили свой багаж и, погрузив его в тележки, направились на таможенный досмотр. По пути мы встретили нескольких полицейских, но они лишь бросили на нас беглый взгляд. Никто даже не спросил, что мы везём и какова цель нашей поездки. В итоге вместе с другими туристами мы автобусом поехали в Иерусалим в гостиницу.

На следующий день мы отправились к Олави Сювянтё. Он и его брат Калерво были известны в Израиле как люди, которые раздают Библии на разных языках всем желающим. Их отец Каарло прибыл в страну ещё во времена Британского мандата и, получив гражданство, начал распространять Слово Божье. Теперь по его следам шли и сыновья.

Олави заказывал в Финляндии большие тиражи Библий на разных языках, и ему приходилось немало платить за транспортные расходы. Он давно мечтал о том, чтобы финские туристы взяли транспортировку Библий на себя. И теперь он принял наш подарок с большой благодарностью.

Олави поведал, что некоторые ортодоксальные евреи спрашивали у него о Библии: «Почему книга язычников переплетена вместе с нашими святыми книгами?» В таких случаях

предоставлялась хорошая возможность пояснить евреям ветхозаветные пророчества об Иисусе как о Мессии.

Книжный магазин в Беэр-Шеве несколько раз пытались поджечь. Как-то раз в вентиляционную трубу залили бензин и поднесли к ней зажжённую спичку. Но благодаря тому, что дома в Израиле строят из огнеустойчивого камня, пожара не случилось. Были и другие попытки нанести урон со стороны ортодоксальных евреев, но Олави и его маленький магазин продолжали служить еврейскому народу.

В Израиле у нас было время подумать о продолжении таких поездок. Мы согласились выяснить, на каких языках здесь преимущественно говорят. Тогда мы сможем закупать Библии на этих языках и возить их в Израиль.

В дальнейшем мы с женой в составе разных туристических групп совершили несколько поездок в Израиль, и каждый раз главной нашей целью было провезти в эту страну Библии. Но потом нам пришла мысль самим собирать туристические группы из верующих, которые, как и мы, желали принести евреям Евангелие. Так открылась новая страница в деле распространения Библий в Израиле.

Организация туристических групп

В поддержку миссионерской работе в Израиле председатель группы «Эксодус» в регионе Сатакунта устраивал мероприятия, на которых собирались пожертвования для покупки Библий.

Мы заключили договор с бюро путешествий, согласно которому, если мы соберём группу из тридцати человек и больше, для нас забронируют отдельный самолёт и мы получим разрешение на провоз шестисот килограммов багажа дополнительно. Похоже, в бюро путешествий были уверены, что собрать такую группу у нас не получится.

Мы собрали группу из тридцати двух человек, и я несколько переживал, как мы со всем нашим грузом пройдём тель-авивскую таможню. Такое количество багажа безусловно привлечёт к себе внимание. Ответственность за поездку лежала на мне.

В аэропорту Вантаа я показал документы на багаж, и никаких проблем у нас не возникло. Так началась первая поездка

в Израиль организованной нами туристической группы, главной целью которой был провоз Библий в эту страну.

Наш самолёт приземлился в Тель-Авиве и подрулил к зданию терминала. Мы выстроились в очередь на паспортный контроль. Каждый из нас, помимо своих вещей, должен был взять одну сумку с Библиями.

Распределив багаж, мы наконец направились в сторону таможни. Все тянули тележки, заполненные большими сумками зелёного цвета. В них лежали Библии.

Мне, как руководителю группы, следовало идти первым. В этот момент я вспомнил всё, что пережил на советской таможне и как провозил Библии в Восточную Европу. В своё время железный занавес по-настоящему служил преградой для провоза духовной литературы. Теперь мы везли Библии открыто, не пряча их в тайниках.

С багажной тележкой, заполненной до отказа, я медленно приближался к пункту досмотра. Группа следовала за мной. Таможенники уже ждали нас.

— Что в сумках? — спросили они.

— Книги,— коротко ответил я.

Один из таможенников дал знак рукой, чтобы мы продолжали путь.

По дороге к автобусной остановке мы увидели представителя миссии «Эксодус», шедшего нам навстречу. Мы сразу отдали ему шестьсот килограммов Библий, а позже он пришёл к нам в гостиницу за остальными книгами. Так без лишних затрат мы доставили в Израиль примерно тонну Библий на разных языках.

Доставка Библий в Израиль овладела моим умом и сердцем, и я снова и снова организовывал поездки, в которых участвовал и сам. Мы считали особой привилегией то, что могли провозить Слово Божье в страну обетованную.

К нашему огорчению, бюро путешествий стало уменьшать вес дополнительного груза. Теперь нам разрешалось провозить с собой не более двухсот — трёхсот килограммов, в зависимости от количества участников.

В одну из поездок наш груз почти полностью состоял

из Библий на русском языке. Мы передали их финскому миссионеру в Иерусалиме, у которого к тому времени не осталось ни одного экземпляра русских Библий.

Позже он рассказал нам, что в тот же день к нему подошёл человек и смущённо спросил:

— У членов нашей общины, говорящих по-русски, нет личных Библий... Можно купить хотя бы две?

— Можете взять сколько вам нужно, причём бесплатно!

Не помня себя от радости, мужчина стал благодарить миссионера.

Это был не единственный случай, когда Господь, проявляя заботу о душах евреев, использовал привезённый нами духовный хлеб.

В один прекрасный день из бюро путешествий пришло извещение о том, что нам больше не будут давать разрешение на провоз дополнительного багажа. Теперь нам оставалось довольствоваться только тем количеством, которое разрешалось провозить пассажирам на общих основаниях.

В Израиле начинают печатать Библии

О сложившейся ситуации я рассказал братьям Сювянтё и членам христианской миссии, живущим в Иерусалиме. Как раз в то время в Израиле начали появляться Библии, напечатанные в мини-типографии Виктора Смадья, пастора одной общины мессианских евреев. Из-за отсутствия в Израиле тонкой бумаги эти Библии были заметно большего размера, а из-за ограниченного тиража цены на них были выше, нежели на отпечатанные в Финляндии. Я захотел побывать в этой типографии, и мне с моей женой предоставилась такая возможность.

Виктор Смадья встретил нас приветливо. Когда супруга сделала несколько фотоснимков, он предупредил, чтобы мы нигде не показывали их публично, даже в Финляндии, иначе он может попасть в поле зрения ультраортодоксов. Виктор работал уже долгое время, и до сих пор ему никто не мешал, поэтому он хотел и дальше сохранять свою деятельность в тайне.

После посещения типографии Виктора Смадья мы решили изменить стратегию своей работы в Израиле и уже не возили

туда Библии, а просто собирали деньги и отправляли их пастору Смадья. Теперь братья Сювянтё и другие финские миссионеры могли получать Библии у него.

Раздатчик Библий

Я получил известность раздатчика Библий и в Финляндии. Часто незнакомые люди звонят мне и просят Библии на разных языках для себя или своих близких.

Некоторое время многие российские евреи переезжали в Израиль через Финляндию. Израильская авиакомпания «Эль Аль» совершала рейсы между Хельсинки и Тель-Авивом. Тогда я был председателем группы «Эксодус». Мы организовывали приём евреев, приезжавших из Санкт-Петербурга, и доставляли их в хельсинкский аэропорт Вантаа. Встречи с евреями мы использовали для того, чтобы рассказать им об Иисусе Христе и подарить Библию.

Я запомнил одну семью, которую мы с женой приютили в нашем доме. Супруги были искренне благодарны нам, когда получили от нас «Детскую Библию» на русском языке.

Слово Божье вечно. Оно пришло к нам сквозь тысячелетия истории и никогда не исчезнет и не устареет. В нём даны чёткие указания, как можно обрести вечную жизнь и стать по-настоящему счастливым.

Когда-нибудь вечность откроет нам, кто из людей, получивших Библию из наших рук, по окончании земного пути вошёл в Небесный Иерусалим.

СОДЕРЖАНИЕ

Поездки в СССР 3
Поездки в Румынию
и Болгарию 37
Поездки в Израиль. 49